

27 АПР 1979

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Алиса Фрейндлих!
Ее достаточно увидеть один раз, чтобы никогда уже не забыть и ни с кем не спутать. Это актриса уникальная, актриса удивительного обаяния, музыкальности, редкого импровизационного дара, безбрежной эмоциональности.

Героини Фрейндлих очень разные, непохожие друг на друга. Достаточно вспомнить трагическую Катерину Ивановну, задорного Малыша, лирическую Гелену, умицу Ковалеву, идущую на казнь с королевским достоинством Марию-Антуанетту, трагикомическую мадам Пичем, очень простую Лику, очаровательную Маму... Но у всех ее героинь есть одна общая черта — абсолютно ничего в своем характере, настроении, мыслях не могут они «утануть» от исполнительницы, она добирается до самой сути их существа, до самых затаенных глубин.

Мы пригласили Алису Фрейндлих на традиционную субботнюю встречу.

— Алиса Бруновна, что привело вас в театр? Сыграла ли в этом определенную роль «наследственность», ведь ваш отец — Bruno Фрейндлих известный актер?

— Прежде всего небольшое уточнение. С театром связан не только мой отец. Моя мать в молодости тоже была актрисой. Тетка — певицей, ее муж — Ираклий Сулханишвили (отсюда мои давние, родственные связи с Тбилиси) — певцом. Таким образом, театр, музыка были, пожалуй, первыми впечатлениями моей жизни. Наверное, это и послужило в какой-то степени отправной точкой. Свою роль сыграл и школьный драматический кружок, которым на протяжении нескольких лет руководила замечательная актриса М. А. Призван-Соколова. Она работала с нами очень серьезно, по-настоящему нас воспитывала, и в результате ей удалось превратить обычную школьную самодеятельность в интересный коллектив. Впоследствии из этого коллектива пять человек «ушли в актеры» — стали профессиональными артистами.

— Хотели бы вы, чтобы ваша дочь Варя продолжила «семейную традицию» и тоже стала актрисой?

— На этот вопрос я не могу ответить просто «да» или «нет». Варваре пока десять лет, и ее планы могут сто раз измениться. Но если у нее будут серьезные намерения посвятить себя искусству, если в ней обнаружится дарование (это, конечно, непременное условие!) и, кроме того, я буду уверена, что она способна и внутренне готова к самоот-

речению, к тому колоссальному труду, без которого просто немыслима наша профессия, тогда что ж, как говорится: «бог в помощь». Пусть одним «богатым ничим» (как нас, актеров, полусерьезно называют) будет больше.

— В одной из бесед вы сказали, что работаете над ролью долго и трудно. Всегда ли творческий процесс мучителен?

— Как в любом, наверное, творческом процессе все происходит каждый раз до крайности по-разному. Есть роли, которые даются легко, даже как-то радостно, я бы сказала (так было, например, с ролью Малыша в спектакле «Малыш и Карлсон», который живет на крыше»). А есть роли, которые требуют огромного труда, сил, душевных мук, предельного напряжения всего существа не только в период подготовки спектакля, но и сейчас, перед каждым выступлением (это в первую очередь относится к роли Катерины Ивановны в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского). Сложно давались обе шекспировские героини, особенно Джульетта («Ромео и Джульетта»), да и Катарина («Угрошение строптивой») получились далеко не сразу. Обычно меня не обманывает первое, интуитивное ощущение. Я могу работать долго, нелегко, но если я при знакомстве с ролью сразу почувствовала ее, что где-то в глубине души знаю, что она получится. Раневская впервые меня обманула. Ну, говорить об этой роли излишне. Роль прекрасная, о такой только мечтать (тем более, что в

— За двадцать лет работы в театре мне пришлось сыграть много самых разнообразных ролей, характеров. И это хорошо. Не хотелось бы из раза в раз, из спектакля в спектакль, из года в год играть вариации на одну (пусть даже очень интересную) тему. Это было бы скучно. А что касается глав-

план, но нельзя, немыслимо рассматривать театр как плановое хозяйство. Театр прежде всего «хозяйство» творческое.

— Что вы вкладываете в понятие современный театр, современный актер, современный спектакль?

— Нет времени, которое не имело бы каких-то своих

«ИСПОВЕДЬ ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ...»

пьесах Чехова я еще ни разу не играла), и я буквально на первой же репетиции почувствовала, что героиня мне близка, понятна, что я о ней все знаю. Работала с удовольствием... а перед самой премьерой вдруг почувствовала — что-то я утратила. Словом, роль не получилась такой, какой она виделась вначале. Обидно очень.

И еще. Трудно работать, когда пьеса слабая или роль лишена внутреннего логического стержня.

— Некоторые спектакли идут в вашем театре на протяжении нескольких лет. Не надоедает ли играть одну и ту же роль в сотый, допустим, раз? Как сохраняется молодость и свежесть спектакля?

— Главный режиссер нашего театра, народный артист СССР Игорь Петрович Владимиров не устает нам повторять: «Каждый спектакль нужно играть как в первый и последний раз». Конечно, как это ни огорчительно, но каждый спектакль в конце концов устареет, просто надоедает, но не следует забывать, что зрительный зал каждый раз разный, и он диктует актеру свои условия, не дает нам права играть по инерции. Зритель пришел в театр, для него это — праздник. Ему дела нет, какой это по счету спектакль. Для него он должен быть премьерным. Актеры обязаны помнить эту истину всегда.

— Ваша главная тема в искусстве?

ной темы... Я считаю, что одна из самых волнующих и никогда не теряющих современность тем — тема любви. Уж, казалось бы, сколько о ней сказано, сколько о ней написано, а она по-прежнему нова и злободневна. Сколько ее ни исследуй, она — неисчерпаема. К теме любви, на мой взгляд, прилегают такие темы, как тема добра, справедливости, чести. Что греха таить, все эти понятия несколько девашировались, и это интересно исследовать. Почему? В чем причина? А кроме того, мы должны, просто обязаны напоминать нашим зрителям, что, несмотря ни на что, эти категории существуют, они живы, они есть. Когда мы это делаем, зал реагирует искренне, горячо благодарен нам за это.

— Какие проблемы, по вашему, стоят перед театром сегодня?

— Несмотря на весьма авторитетные и не менее безапелляционные прогнозы по поводу гибели театра с развитием кино и рождением телевидения, он до сих пор жив и умирать не собирается. Наоборот, за последнее время тяга зрителей к театру заметно повысилась, интерес к нему возрос. И одна из основных проблем, пожалуй, проблема номер один заключается в том, что сегодняшний театр должен соответствовать этому интересу. В противном случае он растеряет зрителя. Прекрасная, необходимая вещь —

более точеч. Если театр нащупывает их, начинает ощущать эту боль внутри себя, заставляет и зрителя ощутить ее, значит, он современен. Если спектакль, а вернее проблемы, которые он затрагивает, волнует режиссера, будоражит актеров, не оставляет равнодушными зрителей, значит, он — современен.

— Что вам хочется сыграть? В широком смысле слова, а не какую-то конкретную роль.

— Хорошую драматургию. Современную или классическую. Но для того чтобы ставить классику, нужно найти то, что волнует сегодня.

— Театр занимает в вашей жизни основное место, но вы много снимаетесь и в кино. Каково ваше отношение к нему? Скажите несколько слов о фильме «Служебный роман», ведь ваша Калугина была признана лучшей актерской работой года.

— Несмотря на то, что я сыграла в кино около двадцати ролей, воспринимаю себя там с трудом и иначе, чем в театре (где неизмеримо больше возможностей владеть ролью). Угнетает сознание того, что в отснятом материале уже ничего невозможного изменить. Но у кино свое преимущество — оно способно сохранить то, что со временем уходит из жизни. А театральные спектакли, каким бы блестящим ни был, как долго бы ни шел на сцене, в конце-

концов умирает. И навсегда.

Калугина в «Служебном романе» — моя первая большая работа в кино. Сниматься было интересно, так как Эльдар Александрович Рязанов — очень серьезный мастер кинематографа. Он режиссер актерский, если можно так выразиться, любит актеров до самозабвения, умеет найти в актере самое главное, подобрать исполнительцев «одной группы крови», создать нужную атмосферу.

— Чем вы можете объяснить, что, в общем-то, весьма посредственный фильм «Анна и Командор» пользовался таким большим успехом у зрителей?

— Судя по письмам, которые я получаю, думается, фильм пользовался успехом в основном у зрителей. Мне кажется, секрет успеха вот в чем. К сожалению, еще очень много одиноких женщин, женщин со сложными судьбами. Естественно, что фильм находил отклик в их сердцах при всей несовершенности сценария, огрехах режиссуры и, наверное, исполнения. У фильма было много молодых зрителей. Думаю, что молодежь часто делает вид, что не верит в любовь, хотя втайне, конечно, о ней мечтает. И в фильме молодые находят подтверждение этим своим мечтам.

— Ваши последние работы?

— В театре — Раневская в чеховском «Вишневом саду», о которой я уже говорила. На телевидении — Анна Австрийская в «Трех мушкетерах». В кино недавно закончила сниматься в «Старомодной комедии» (по пьесе А. Арбузова) и в «Сталкере» у А. Тарковского.

— Расскажите о вашем участии в фильме Г. Шенгеля «Мелодии Верийского квартала».

— Как вы помните, роль в фильме у меня совсем небольшая, но я получила большое удовольствие и от самого процесса работы, и от общения с очень приятными «товарищами по оружию». А главное, что сейчас меня связывает не только творческая, но и просто большая человеческая дружба с Георгием Шенгелем, Софико Чиаурели, Кахи Кавсадзе и многими другими.

— Какое качество в человеке цените больше всего?

— Для меня самое драгоценное в человеке — чувство справедливости. Как правило, это человек умный, добрый, с чувством юмора.

— Что бы вам хотелось пожелать молодым актерам, только начинающим свой путь в искусстве?

— Пусть не ждут и не ищут покоя в своей профессии. Внутренняя сытость — гибель для актера. Как это ни горько, в ровном благополучии судьбы нет материала для творческого переживания. А ведь актерская судьба — это самовыражение, исповедь изо дня в день. И нужно бесстрашие в исповеди, умение идти в ней до конца.

Беседу вела
Донара Канделаки.